

ремные темы в литературе и кино, а это немедленно нашло отражение в прессе» [2]. Таким образом, в молодежном сленге появились такие слова: *бабки* – деньги; *мочить* – убивать; *мент*, *мусор* – милиционер; *вышка* – высшая мера наказания – расстрел; *стрелка* – встреча воров и т. п. В речевом обиходе молодых людей лексемы современного арго иногда получают переносное, более приближенное к повседневному быту толкование. Например: *кинуть* – не вернуть деньги; нарушить обещание; несправедливо обойтись с кем-либо на бытовом уровне; *навар* – прибыль; *подняться* – существенно улучшить свое положение, прежде всего в финансовом смысле и т. д. Воровское арго в своей речи используют чаще всего представители контркультуры, поскольку им необходимо показать свое неприятие культуры, ее ценностей и норм поведения, а также литературного языка.

Сленгизмы субкультуры очень интенсивно просачиваются в язык прессы. Обращение авторов к молодежному жаргону связано с установкой на молодежную субкультуру. Такой язык используется «как своего рода пароль, речевой сигнал принадлежности общающихся к одной и той же социальной или возрастной группе» [3].

В результате употребления большого количества жаргонизмов часть их переходит со временем в сферу общего употребления. Такие жаргонизмы все реже поясняются в газетных текстах, «...то, что не требуется их “перевод” на литературный язык, означает, что они, если еще и не вошли, то уже ворвались в речевой обиход образованного общества» [4].

Таким образом, сленг, используемый членами различных субкультур, – это особый материал, автоматически соединяющий «нормальные» понятия окружающей действительности и специальные условия, задаваемые одной из субкультурных рамок, т. е. создающие и одновременно использующие контекст.

Примечания

1. Гуревич, П. С. Субкультура [Текст] / П. С. Гуревич // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 236.

2. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. Ок. 450 слов [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина; под общ. рук. Р. И. Розины. М.: Азбуковник, 1999. 277 с.

3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина. М., 2001. С. 118.

4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. СПб., 1999. С. 83.

И. И. Чумак-Жунь

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСРЕДНИКИ КАК ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье речь идет о специфике поэтической коммуникации, для которой характерно особое звено – коммуникативный посредник. Определяются функции коммуникативного посредника. В качестве иллюстрации приводится анализ двух критических статей, посвященных поэтическому тексту.

The article is about poetical communication specificity that is characterized by special part – communicative negotiator. Communicative negotiator's functions are determined. Two critical articles devoted to poetical text analysis are cite as an illustration.

Специфика поэтической коммуникации обусловлена особенностями экспрессивно-эстетического сообщения, которому свойственны как предельная отвлечённость от конкретно-предметного мира, так и личностный характер языковой личности автора, то есть наличие в семантическом пространстве имплицитно или эксплицитно выраженных эмотивно-аксиологических интенций адресанта. Поэтому читатель, как правило, воспринимает лирический текст как нечто, лично к нему относящееся. Этим же обуславливаются особенности лирической коммуникации в целом, в частности, потребность в многократном перечитывании текста и запоминании наизусть. Восприятие текста при неоднократном чтении, разумеется, не может оставаться неизменным.

При первичном восприятии поэтического текста каналы коммуникации могут быть различными – чтение, восприятие на слух, одновременное чтение и восприятие на слух. В любом случае для первого чтения поэтического текста характерна «рефлексия в снятом виде», рефлексия без дискурсивности, рефлексия, при которой понимание актуально переживается как нечто, «возникающее сразу» [1], непосредственно, интуитивно. Только после этого следует второй этап декодирования поэтического текста, который состоит в «дискурсивно (опосредствованно, логически, понятийно) представленной рефлексии» [2], т. е. интерпретации эстетического объекта реципиентом. При многократном перечитывании поэтических текстов у реципиента нередко возникает необходимость в расширении «дискурсивной базы». В подобном случае он пополняет свои знания, обращаясь к метатекстам, которые содержат целостную законченную интерпретацию текста или другие интересующие реципиента сведения. Модель коммуникативного акта, которая включает шесть обязательных компонентов (ком-

муникатор, контекст, сообщение, контакт, код и реципиент), в подобном случае изменяется. В ходе восприятия поэтического текста возникает посредник коммуникации – автор метатекста, который выполняет несколько коммуникативных функций:

- функцию интерпретатора поэтического текста;
- функцию коммуникатора, осуществляющего связь между автором и читателем;
- функцию носителя когнитивной базы, сообщающего читателю необходимые ему дискурсивные сведения.

Как справедливо отмечает Ю. М. Лотман, «всякий исследовательский анализ, в конечном счете, строится на непосредственном читательском восприятии. Именно оно лежит в основе той интуиции, которая позволяет ученому не перебирать все логически возможные комбинации структурных элементов, а сразу выделять из них некоторый подлежащий дальнейшему рассмотрению минимум» [3]. Однако ученый обладает определенными знаниями, которые он излагает в своей интерпретации и которые делают его коммуникативным посредником при чтении поэтического текста.

Коммуникативный посредник – тоже читатель, который зафиксировал результаты своей дискурсивной рефлексии, то есть создал новый текст (метатекст) – один из вариантов целостной законченной интерпретации. Следует заметить, что читательское переживание и исследовательский анализ – это два принципиально различных вида деятельности. Читатель воспринимает все стороны произведения в их дискурсивно-когнитивном единстве. Именно на такое отношение читателя рассчитывает и автор. Однако «целостность произведения не может быть передана в исследовании при помощи той непосредственной нерасчлененности, которая остается и преимуществом, и недостатком читательского восприятия. Наука идет к её постижению через предварительный анализ и последующий синтез» [4].

Создавая интерпретирующий текст, исследователь расшифровывает «стоящие за текстом» дискурсивные элементы, как собственно лингвистические, так и экстралингвистические, причем в центре исследования могут оказаться любые составляющие текста как коммуникативного действия – автор, действительность, язык произведения, особенности контакта между поэтом и получателем. Образцом такой дешифровки (в виде соответствующих комментариев) является научный анализ поэтического текста, в котором важную роль играют те задачи, которые ставит перед собой конкретный исследователь.

В качестве иллюстрации подобного анализа сравним два известных исследования поэтичес-

кого текста – работы А. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений» [5] и Е. А. Маймина «Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов)» [6], в которых они анализируют один и тот же пушкинский шедевр, – стихотворение «Воспоминание». Эти работы дают представление обо всех элементах названного текста как коммуникативного действия – об авторе и адресате, о действительности, о языке произведения, об особенностях контакта между поэтом и получателем, но представлены эти компоненты в исследованиях по-разному. Названные работы можно считать образцом разнополюсных (собственно лингвистического и собственно литературоведческого) подходов к анализу стихотворения. Различие подходов и определяет расстановку акцентов, хотя оба ученых приводят в своей работе канонический текст пушкинского «Воспоминания». А. В. Щерба уже в названии подчеркивает безусловную и намеренную «лингвистичность» своего толкования, и в центре его исследования находится *язык (код)* стихотворения. Анализируя текст, ученый основное внимание уделяет рассмотрению лингвистических единиц разных уровней. Е. А. Маймин с позиций литературоведа определяет особенности художественного метода, который использует А. С. Пушкин в своем поэтическом творчестве (в частности, в философской лирике), и его исследование, напротив, сопровождается лишь небольшим лингвистическим комментарием, называющим «выразительные приметы» языка, который «должен выразить не просто мысль, а мысль философскую, обобщенную» [7].

В исследовании Е. А. Маймина центральное место занимает описание *действительности* (историко-литературно-культурной среды), на фоне которой было создано поэтическое произведение. Стихотворение анализируется в контексте пушкинской философской лирики и философской лирики исследуемой эпохи в целом (*проследить различия на сходном* – так определяет Е. А. Маймин свои намерения). А. В. Щерба демонстративно отказывается от исторических комментариев, но пишет в примечаниях: «*Не хотелось бы также, чтобы кто-нибудь подумал, будто я выступаю против историзма в литературе: я не представляю себе возможным полного объяснения текста вне исторической перспективы*», подчеркивая, что его работа – исключение, которое, в общем-то, подтверждает правило. А. В. Щерба занимает внутреннюю (по отношению к тексту) зрительскую позицию (позицию наблюдателя, принадлежащую самому изображаемому миру), а Е. А. Маймин – внешнюю, т. е. позицию зрителя, находящегося вне изображаемой действительности.

В соответствии с этими исследовательскими позициями *автор* также представлен в работах по-разному. Л. В. Щерба, пытаясь восстановить и расшифровать те интенции, которые вкладывал А. С. Пушкин в свое произведение, изображает *автора-деятеля* (активную языковую личность) в момент процесса создания стихотворения. Для работы Л. В. Щербы характерна следующая модель описания процесса: автор-деятель (А. С. Пушкин) → конкретная текстовая операция → результат (*Пушкин выносит определенное слово перед определяемым словом, чем и достигает единства представления и фразы...*). Следует заметить, что иногда результат описывается ученым в терминах эстетических (передается «настроение» пушкинского текста). Ср.: *...ритмизирование этой строфы по четырехстрочным куплетам <...> разрушило бы все очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным. Такое ритмизирование гораздо более подошло бы во второй строфе, но очевидно и там казалось Пушкину чересчур грубым и меланхоличным.* Следует заметить, что подобный «психолингвистический подход» не всегда получал однозначную оценку. Так, Г. О. Винокур писал по поводу этой работы Л. В. Щербы: «Замечания по ритму в статье явно бледны и недостаточны: к тому же, замечания эти базируются на основаниях столь шатких, как “очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным”» [8].

В работе Е. А. Маймина *автор* – *носитель идиостиля*, особенностями которого и обусловлены концептуально-содержательные свойства текста. В критическом исследовании активно используется модель описания: *Автор (идиостиль) – текст*. Ср.: *У Пушкина ночь является, она у него явление, а не понятие <...> У Пушкина всегда образ побеждает понятие.*

Своеобразие *канала связи (контакта)* в художественной речи заключается в том, что это контакт опосредованный и дистантный (характерный для неканонической ситуации общения). И Щерба, и Маймин оговаривают коммуникативные помехи, которые вызваны разрывом коммуникантов во времени, (Щерба – языковые особенности стихотворения, Маймин – литературные факты рассматриваемой эпохи). При этом Л. В. Щерба не пытается устранить коммуникативный «дискомфорт», возникший по ходу чтения стихотворения (в частности, не толкует значение незнакомых читателю слов), а объясняет его несовпадением хронотопа коммуникантов. И в других работах Л. В. Щербы отмечалось, что для отдаленных эпох приходится восстанавливать то «чувство нормы», естественное для современника, которое уже утрачено потомками, т. е. осознавать обоснованные отступления от разных видов норм

в художественной речи [9]. Употребление сочетания *стогны града* (*стогны просто даже непонятно, но и града вместо города не мотивировано*) объясняется тем, что *...для Пушкина это были все-таки в значительной мере живые слова, и во всяком случае он их чувствовал иначе, чем мы.* Подобным же образом он объясняет употребление слова *бденья* вместо *бдения*. Е. А. Маймин в своей работе объясняет использование этих слов стилистическими целями.

Восприятие текста. Своеобразие научного анализа текста заключается в том, что ученый, с одной стороны, выступает как адресат, а с другой – как «второй субъект» [10], воспроизводящий чужой текст и создающий обрамляющий текст [11].

В описании акта коммуникации Л. В. Щерба выступает как читатель-исследователь, не только пытающийся разгадать ход мысли субъекта (Пушкина) при создании текста, но и доказать читателю верность своих предположений. Разворачивается диалоговое взаимодействие: А. С. Пушкин – Я (Л. В. Щерба – читатель-лингвист) и читатель-нелингвист. В работе чрезвычайно высока роль интроспекции и ярко представлена языковая личность исследователя-филолога. Это сомневающийся тип, что подтверждают многочисленные слова, имеющие модальную окраску неуверенности (*бероятно, очевидно, как мне кажется, полагаю, по-видимому, может быть, мне представляется*). Вся работа проникнута духом исследовательского поиска. Л. В. Щерба последовательно описывает когнитивные процессы, которые происходят в его сознании при чтении стихотворения, в частности, связанные с толкованием содержания слов (*слова томительный, тоска, дума*), причем сами комментарии даются в форме предположения: *Почему самый глагол томить представляется, по крайней мере для меня, таким выразительным, мне неясно.* Он отделяет читателя-исследователя (себя) от читателя-неисследователя, предполагая, что последний не во всем может соглашаться с его точкой зрения. Е. А. Маймин употребляет обобщенно-научное мы, объединяя себя (или ставя в один ряд) с читателем.

Объектом описания в работе Л. В. Щербы является язык (код) текста, который толкуется в пределах горизонтальной линии коммуникативной цепи: автор → текст → контакт → адресат и включает подробное описание когнитивных процессов получателя. В исследовании Е. А. Маймина звенья контакт → адресат прорисованы схематично, формально, на передний план выступает действительность, в которой творит автор. Эта действительность включает литературную и «культурную» обстановку описываемого времени, межтекстовые связи стихотворения, экстралингвистические факторы. Представлены два не-

повторимых события текста, в каждом из которых описывается встреча двух сознаний: автора и получателя, при этом один и тот же поэтический текст оказывается перед читателем в различной дискурсивной проекции. Именно в результате подобного диалогического взаимодействия и рождаются поэтические смыслы.

Итак, в названных работах представлена универсальная форма коммуникации (поэтический текст) и варианты его интерпретаций. Исследование текста в данном случае – диалог автора текста и исследователя, «диалог особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрашающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [12].

Эти и подобные тексты-интерпретации создают метатекстуальный фон классического стихотворения, при обращении к которому читатели обогащаются новыми знаниями о неоднократно прочитанном поэтическом тексте.

Примечания

1. *Богин, Г. И.* Филологическая герменевтика [Текст] / Г. И. Богин. Калинин: КГУ, 1982. С. 79.
2. Там же.
3. *Лотман, Ю. М.* О поэтах и поэзии [Текст] / Ю. М. Лотман. СПб., 1996. С. 133.
4. Там же.
5. *Щерба, А. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина [Текст] / А. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.
6. *Маймин, Е. А.* Философская поэзия Пушкина и Любимов (К различию художественных методов) [Текст] / Е. А. Маймин // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. С. 98–117.
7. Там же.
8. *Винокур, Г. О.* Русская речь [Текст]: сб. ст. / Г. О. Винокур; под ред. А. В. Щербы. Сб. 1. Петроград, 1923. С. 203. Рецензия.
9. См. *Щерба, А. В.* Спорные вопросы русской грамматики [Текст] / А. В. Щерба // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 10.
10. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.
11. Там же.
12. Там же.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлены результаты исследования лингвокогнитивного концепта «интеллектуальное взаимодействие». Рассматриваются особенности функционирования лексем со значением интеллектуального взаимодействия в прецедентных текстах педагогического дискурса научного, учебно-научного, художественного и разговорного стилей.

The article represents the results of the inquiry of lingua-cognitive concept “intellectual interaction”. The peculiarities of functioning of lexemes of intellectual interaction in educational discourse texts of scientific, educational – scientific, fiction and colloquial styles have been examined.

Выделившаяся в последнее время новая область научного знания – когнитивная лингвистика – характеризуется пристальным интересом к рассмотрению процессов категоризации и концептуализации знания в сознании человека, вербализации знания в языковых структурах, соотношению языковых и когнитивных структур и «занимается когницией в её языковом отражении» [1]. Когниция обозначает и сам познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и результаты этого процесса – знания. На основе чувственного опыта и в результате предметно-познавательной деятельности у человека формируется концептуальная система – система знаний о мире. Знания упорядочиваются сознанием в виде концептов, совокупность которых представляет собой концептуальную модель мира. Большое влияние на процесс её формирования в сознании человека оказывает образование – область учебного и педагогического взаимодействия участников образовательного процесса, которое в современных условиях рассматривается как важнейший фактор становления и развития личности обучаемого.

Содержание концептуальной системы обучаемого в процессе образования усложняется за счёт знаний, полученных в результате экспериментально-познавательной и мыслительной деятельности, а также вербального / невербального общения, т. е. интеллектуального взаимодействия с преподавателями и другими обучаемыми. *Интеллектуальное взаимодействие* как особый тип межличностного или группового взаимодействия субъектов образовательного процесса является, таким образом, одним из важнейших факторов становления концептуальной системы обучаемого, его языковой личности.